

Грошев Александр Васильевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
Кубанского государственного
аграрного университета

Петровский Антон Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

**МИФОЛОГИЯ
РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛ
ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ
РСФСР 1919 ГОДА**

Аннотация:

Мифический образ мышления не является принадлежностью только традиционных обществ, современный социум также использует его в области политики и права. Социально ожидаемая информация передается через мифологическую, историческую и религиозную норму. В праве мифы отражены в виде культурных символов и значений, ценностных норм и образцов отношений между социальными элементами. Влияние мифологии на формирование законодательства и коллективного правосознания изучается юридической антропологией – отраслью науки теории государства и права. Однако до настоящего времени юридические мифы и мифология не становились объектом уголовно-правового и криминологического познания. С целью понимания сущности мифа, его значения для правовой культуры и правосознания общества в статье рассматривается роль и значение мифологии для формирования принципиальных положений советского уголовного права на основе анализа законодательного памятника – Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г.

Ключевые слова:

мифы, мифология уголовного права, уголовно-правовая культура, коллективное правосознание, криминология, формальные и неформальные нормы.

Groshev Aleksandr Vasilyevich

LL.D, Professor,
Criminal Law Department,
Kuban State Agricultural University

Petrovsky Anton Vladimirovich

PhD in Law, Associate Professor,
Criminal Law and Criminal Science Department,
Kuban State University

**MYTHOLOGY OF THE GUIDING
PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW
IN THE RUSSIAN SOVIET FEDERATED
SOCIALIST REPUBLIC (1919)**

Summary:

The mythical way of thinking is inherent not only to traditional communities; modern society uses it in the field of politics and law. Socially anticipated information is transmitted through mythological, historical and religious norms. In law, myths are reflected as cultural symbols and meanings, value norms and patterns of relations between social elements. The influence of mythology on the formation of legislation and collective legal awareness is studied by legal anthropology, the branch of science of the theory of state and law. However, till present, legal myths and mythology have not been the object of research in the framework of criminal law and criminal science. To understand the essence of a myth and its value for legal culture and legal awareness, the present study considers the role and importance of mythology in developing the fundamental propositions of Soviet criminal law based on the analysis of a legal document called “The Guiding Principles on Criminal Law in the RSFSR (1919)”.

Keywords:

mythos, criminal law mythology, criminal legal culture, collective legal awareness, criminal science, formal and informal standards.

Что такое мифы в праве? Какое значение имеют юридические мифы для уголовного права и криминологии?

Миф в жизни современного общества – явление социальной культуры, основанное на этнокультурных особенностях, представляющее собой консервацию архаических, желаемых, идеальных представлений о мироустройстве, происхождении социальных элементов общества и управления [1, с. 370]. Мифы возникают и существуют в различных сферах жизни социума, в том числе и правовой. Миф в праве – это существующий в правосознании общества идеализированный образ (сюжет, символ, ритуал, идея) правовой действительности, выполняющий защитную функцию для коллективной психики, обосновывающий необходимость создания идеальной реальности, в которой ничто не может быть подвергнуто сомнению [2, с. 118]. Мифология в целом и юридическая в частности не исчезает из сознания людей, так как представляет собой желаемую реальность, жизненно предполагаемую действительность, основанную на ментальном и метафизическом восприятии окружающего мира [3, с. 38–47].

Поиск юридических мифов в уголовном праве предлагается осуществлять с использованием ретроспективного метода – изучения нормативных правовых актов государств, которые по различным обстоятельствам прекратили свое существование. Поэтому для поиска желаемых,

абстрактных, идеализированных представлений антикриминального характера (уголовно-правовых мифов) нами было выбрано постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» (далее – Руководящие начала).

Рассматривая мифологические концепции советского уголовного права, необходимо сосредоточить внимание на условиях их возникновения и существования:

1) люди верят в ассоциации (онтологический абсолюте) и не способны отделить идею от реального состояния бытия (например, демократия – это власть народа);

2) социум склонен к поклонению различным абстракциям естественного или искусственного происхождения (на раннем этапе создания советского государства – это диктатура пролетариата);

3) в сознании любого общества присутствует объект, к которому испытывается одновременно страх и почтение (это государственный аппарат) [4, с. 275–276]. Юридическая мифология как часть правовой культуры и истории способствует формированию национальных *архетипов* – универсальных психических структур, присущих социальной группе и отраженных на уровне бесознательного, являющихся идентификационным критерием уже уголовно-правовой культуры.

Исследование мифологии, ее влияния на правосознание и формирование законодательства началось еще в XIX в. в рамках юридической антропологии, представляющей собой отрасль науки теории права и государства. Задачей юридической антропологии выступает познание воздействия изменяющихся в результате эволюции социальных норм в целом и правовых мифов в частности на правовое регулирование деятельности человека, на юридические отношения и конфликты в современных национальных, этнических и культурных общностях [5, с. 71–80].

Анализ научных работ данной тематики позволил выявить ряд теоретических особенностей юридической антропологии, имеющих значение для конкретизации мифов уголовно-правовой действительности:

1) между культурой, традициями общества и правом наличествует тесная зависимость, которая не позволяет безболезненно передавать право от одного общества другому, имеющему иные этнокультурные особенности [6, с. 78–100];

2) мифический образ мышления является элементом не только традиционных обществ, но и используется современным социумом в политике и праве [7, с. 242–243]; 3) господствующие мифологические воззрения определенного народа в определенную эпоху оказывают глубокое влияние на социальные учреждения и функции государства [8, с. 126–127].

Уголовно-правовая культура обладает своей символикой, где одними из элементов выступают мифология и ритуальные формы. Они представляют собой определенную форму коллективного правосознания, сформированную этническим, национальным, психологическим и историческим опытом взаимодействия индивидуумов и сообществ между собой [9, с. 201]. Верования, традиции, обычаи и мифы, являясь составной частью уголовно-правовой культуры, служат основой для криминализации и пенализации деяния. Мифы уголовного права используются для того, чтобы дать обществу некий образ (должное), который соответствует социокультурным ожиданиям и массовому правосознанию. Применение уголовного наказания за нарушение правовых запретов предполагает сакрализацию данной меры государственного принуждения, требует мифологического обоснования легитимации норм уголовного права и санкций за их нарушение. Находящаяся у власти политическая партия создает мифы, в которых предстает в роли культурного просветителя, принесшего остальному обществу элементы новой культуры или образа жизни.

Мифологические утверждения (постулаты), нашедшие свое отражение в современной уголовно-правовой доктрине, весьма разнообразны:

1) власть справедлива и авторитетна;

2) основная масса населения законопослушна и добровольно подчиняется законам и социальным нормам;

3) неприкосновенность личности и собственности – это краеугольный камень, на котором базируются фундаментальные права и интересы общества;

4) власть контролируема и является гарантом соблюдения прав и свобод граждан при осуществлении уголовного преследования;

5) существуют границы правового регулирования, за которые государственно-властные отношения не распространяются.

В российском обществе конца XIX – начала XX в. присутствовала правовая культура, где главенствовали социальные ценности, образцы и нормы поведения, бережно сохраняемые поколениями юристов и коллективным правовым сознанием. В России этого периода кроме права господствовала социалистическая мораль, которая также выполняла социально-нормативные функции. Культурно-правовая модель имперского периода формировалась законами, порождаемыми высшей властью и узким кругом приближенных к ней людей [10, с. 196]. Русский человек

не верил в устроение жизни на легалистских началах, для него внутренние (субъективные) правила были выше формального закона [11, с. 515]. Это привело к созданию юридических мифов – смысловых представлений социума, направленных на разрешение противоречий реального мира и его позитивное преобразование (ярким их образцом были политические лозунги построения нового общества на началах свободы, равенства, братства). Изначально миф был образом мышления определенной группы населения и проявлялся в реальной действительности посредством слова («весь мир насилья мы разрушим»). По мере социального продвижения он стал зависеть от способа провозглашения содержания («классовая борьба») и формальных границ воздействия [12, с. 193]. Мифология свободы, равенства, братства сказалась на правовой идеологии и отразилась на правосознании народных масс. Богатейшая правовая культура конца XVIII – начала XX в. была отвергнута как классово чуждая, любые упоминания и ссылки на нее считались нарушением пролетарской диктатуры, а значит, преступлением.

Все эти мифологические концепции нашли свое концентрированное отражение в первом уголовно-правовом акте советского государства – Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. [13]. Основная мифологическая нагрузка отражена во введении Руководящих начал, частично идеализированные представления (мифы) изложены в содержании предписаний разделов, являющихся прообразами уголовно-правовых норм и институтов будущего уголовного законодательства РСФСР.

Рассмотрим мифологию коллективного (массового) правосознания советского периода 1917–1919 гг., которая отразилась на государственной политике в области уголовного права и отчетливо прослеживается в Руководящих началах 1919 г.:

1) *Уголовное право и лица, совершающие преступления, различаются по своей роли (опасности), потому что бывает право буржуазное – неправоное, и пролетарское – правовое; есть пролетарий, совершающий преступление вынужденно, и лицо, принадлежащее к имущему классу (буржуазии), и его пособники, которые по своему социальному статусу уже являются преступниками.*

Во введении Руководящих начал законодатель изначально разделяет уголовное право на буржуазное, подлежащее забвению («сдать в архив истории»), и пролетарское, которое приведет к созданию гармоничного общества будущего. Далее в тексте введения авторы документа рассуждают о ненужности государства и права как функции государства, постулируя тем самым декларативность Руководящих начал. Здесь четко просматривается классовая сущность данного правового документа, провозглашающего идею диктатуры одного класса – пролетариата (пока без крестьян, поскольку они в этот период еще социально опасны и неблагонадежны как носители частнособственнических интересов), предполагающую разделение членов общества по их принадлежности к определенному классу. Особенностью данного документа является определение имущего класса (и пособников имущего класса) как угнетателя и классового врага пролетариата, подлежащего строгой репрессии. Для этого в пп. «б» п. 12 раздела III суду предписывалось при определении меры наказания «в каждом отдельном случае различать, совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса или в интересах личных совершающего деяние».

2) *Опыт борьбы пролетариата со своими классовыми врагами рождает новое право – пролетарское уголовное право.*

Во введении Руководящих начал говорится, что для этого пролетариат должен «выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть». По мнению авторов данного правового акта, пролетарское законодательство прежде всего должно относиться к *уголовному праву*, которое имеет своей задачей борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития в переходный период диктатуры пролетариата. Таким образом, налицо мифологизация роли уголовного права в построении нового общества, преувеличивающая его возможности в оздоровлении общественных отношений, поскольку острота репрессии направлялась против классовых врагов (буржуазии и помещиков) и преуменьшалась опасность преступности трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата. Не случайно при определении меры наказания суду предписывалось различать, совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, или неимущим в состоянии голода или нужды (пп. «а» ст. 12).

3) *Советское государство ориентировано на построение общества равенства, добрых нравов, идеального порядка, исключаящего насилие и законы.*

Этот миф подтверждается декларированием в п. 10 раздела III («О преступлении и наказании») Руководящих начал идеи о том, что уголовное наказание должно быть лишено признаков мучительства, не должно причинять бесполезных и лишних страданий, а в ст. 25 раздела VI

(«Виды наказания») – что выбор меры наказания должен осуществляться «с необходимостью наибольшего сокращения личных страданий преступника». Однако в п. 3 раздела I («Об уголовном праве») содержится противоположное данному идеалу (мифу) положение, где указывается, что «советское уголовное право имеет задачей *посредством репрессий* охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму». Репрессии (наказания) как метод охраны системы общественных отношений данного классового общества указаны и в определении уголовного права (п. 2). Более того, в п. 9 раздела III говорится о физическом уничтожением лица, совершившего преступление, как исключительном способе обезопасить общественный порядок от будущих преступных проявлений с его стороны (рецидива).

Создавая миф о разрушении мира насилия, свойственного только буржуазному государству, его органам управления и законодательству, советский законодатель (в отличие от Уголовного уложения 1903 г.) усиливает степень государственного принуждения, предусматривая в п. 25 раздела IV («Виды наказания») 16 видов наказания, из которых повышенной репрессивностью обладают 4: объявление врагом революции или народа (пп. «л»); лишение свободы на неопределенный срок до наступления известного события (пп. «и»); объявление вне закона (пп. «о»); расстрел (пп. «п»). В разделе II «Об уголовном правосудии» органами Советского правосудия определяются Народный суд и Революционный трибунал, однако Народный суд не имел права назначать смертную казнь, что является свидетельством фикции юридической мифологической установки – власть контролируется и является гарантом прав граждан при осуществлении правосудия.

4) *Советская власть создает подлинно «народное право», выражающее волю и интересы всего народа в защите общества от преступных посягательств.*

Руководящие начала были приняты постановлением Наркомюста 12 декабря 1919 г. в период завершения одного из тяжелых этапов Гражданской войны, когда на территориях, принадлежащих советскому государству, массово происходили восстания крестьян против политики военного коммунизма. Поэтому при составлении Руководящих начал их авторы правящим классом называют пролетариат; соответственно, в нем речь идет только о создании «пролетарского права» (введение). Крестьяне и интеллигенция в документе вообще не упоминаются, а там, где это предполагается по смыслу, составители данного правового акта называют их «общественными классами, действующими в угоду буржуазии и помещиков». Это позволяет нам сформулировать предположение, что по социальной природе уголовное право в Руководящих началах – это право сугубо рабочего класса.

5) *Пролетариат по мере построения бесклассового общества (коммунизма) уничтожит и государство как организацию насилия, и право как функцию государства.*

Руководящие начала декларируют временную необходимость уголовно-правового принуждения и репрессий (наказания). По мнению составителей данного документа, после исчезновения угнетающего класса и их пособников пролетариат построит общество без репрессий, без формального права в целом и уголовного права в частности. Новое государство воспитает новый класс таким образом, что он посредством самоконтроля и самоорганизации сможет удерживать своих индивидов в рамках правопослушного поведения. Конкретно этот миф нашел воплощение в пп. 16 раздела III, в котором говорится, что «с исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными *для данного строя*, совершивший его не подвергается наказанию».

В итоге ни одно из представлений и декларируемых идей (уголовно-правовых мифов) не было реализовано в социальной практике советского государства. Право и государство не исчезли, появились новые классы (рабочие, крестьянство, интеллигенция, а потом советский правящий класс). Репрессии и насилие стали основным инструментом пролетарского государства и уголовного права на ближайшие 40 лет, которые немного ослабили лишь в 1960-х годах. Изучение Руководящих начал позволило сделать вывод, что уголовно-правовая и криминологическая профилактика детерминирована не только правовыми, но и социальными нормами, которые организуют антикриминогенное воспитание и правосознание, формируют правовую культуру государства. Элементом правовой культуры является уголовно-правовая мифология – идеализированные, социальные абстрактные представления социума антикриминального характера. Мифы уголовного права используются для того, чтобы дать обществу некий образ (должное), который соответствует социокультурным ожиданиям и массовому правосознанию в сфере борьбы с преступностью.

Ссылки:

1. Философский энциклопедический словарь / под ред. С.С. Аверинцева. 2-е изд. М., 1989. 815 с.
2. Лисова М.И. Место мифологии в ряду форм общественного сознания // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23. № 2. С. 117–120.

3. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб., 1997. 310 с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001. 561 с.
5. Пучков О.А. Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве (теоретические основы) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 502 с.
6. Социальная антропология права современного общества / Н.В. Разуваев, Л.А. Харитонов, А.Э. Черноков [и др.]. СПб., 2006. 248 с.
7. Рулан Н. Юридическая антропология: учебник для вузов / пер. с фр. Л.П. Данченко и др. М., 2000. 301 с.
8. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. 750 с.
9. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. 272 с.
10. Оболонский А.В. Кризис бюрократического государства. Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М., 2011. 443 с.
11. Азаркин Н.М. История юридической мысли России: курс лекций. М., 1999. 528 с.
12. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. М., 1996. 312 с.
13. Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Редактор: Мамлиева Лилия Нурихановна
Переводчик: Герасимова Валентина Евгеньевна